

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина»

На правах рукописи

Комков Антон Валерьевич

**ПУТИ РЕЦЕПЦИИ ФИЛОСОФИИ А. ШОПЕНГАУЭРА
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КУЛЬТУРЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

Специальность 5.9.1. – Русская литература и литературы народов Российской
Федерации

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Екатеринбург – 2025

Работа выполнена на кафедре филологического образования и журналистики
бюджетного учреждения высшего образования
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Сургутский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Ларкович Дмитрий Владимирович

Официальные оппоненты **Анисимова Евгения Евгеньевна**,
доктор филологических наук, доцент, ФГБОУ
ВО «Красноярский государственный
педагогический университет им. В.П.
Астафьева», профессор кафедры мировой
литературы и методики ее преподавания;
Бекметов Ринат Ферганович,
доктор филологических наук, доцент, ФГАОУ
ВО «Казанский (Приволжский) федеральный
университет», профессор кафедры русской
литературы и методики её преподавания;
Никонова Наталья Егоровна,
доктор филологических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»,
заведующая кафедрой романо-германской и
классической филологии.

Защита состоится «29» мая 2025 г. в «11-00» на заседании диссертационного
совета УрФУ 5.9.07.19 по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал
диссертационных советов, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.
Ельцина», адрес объявления на сайте УрФУ
<https://dissovet2.urfu.ru/mod/data/view.php?d=12&rid=7059>

Автореферат разослан «___» апреля 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета:
доктор филологических наук,
доцент

Приказчикова Елена Евгеньевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящее исследование посвящено комплексной характеристике сценариев рецепции и творческой интерпретации философии А. Шопенгауэра в русской литературной культуре второй половины XIX века. Особое внимание уделяется личности и творчеству А. А. Фета, внесшего значительный вклад в художественное осмысление идеологии немецкого волюнтаризма.

Ещё на рубеже XIX–XX веков был поставлен вопрос о влиянии идей А. Шопенгауэра на русское культурное сознание. В частности, он был обозначен Л. И. Шестовым, Ю. И. Айхенвальдом, Д. С. Мережковским, Н. А. Бердяевым и др.

В советский период внимание исследователей было сконцентрировано на творчестве крупнейших писателей XIX века, в работах которых были обнаружены признаки диалогических контактов с философской системой Шопенгауэра. Особую значимость в обсуждении этой проблемы имели работы Д. Ф. Квитко, Б. М. Эйхенбаума, В. Ф. Асмуса, А. П. Скафтымова, Д. Д. Благого, Б. Я. Бухштаба, С. К. Кульюс и М. А. Гофайзена, Г. Б. Курляндской и др.

Постижение проблемы диалогических контактов Шопенгауэра и русской классической литературы продолжается и сегодня. С начала нового тысячелетия в научной печати появились концептуальные разработки М. А. Мониной, П. Тиргена, О. В. Сарычева, Н. А. Скворцовой, О. К. Авдеевой, С. М. Климовой, В. С. Барышевой, В. А. Масловой, В. Л. Силиной, А. В. Федорова, И. С. Андреевой, В. Ю. Даренского, А. В. Тоичкиной, Т. А. Логачевой, С. И. Видющенко и др., посвящённые данной проблеме.

Научный поиск на современном этапе осуществляется и на уровне диссертационных исследований (Т. В. Сафонова, М. А. Глушкова, Д. В. Дмитриев, Р. Ф. Бекметов, Н. А. Чепелева). Специалистами в области гуманитарных наук (А. М. Саяповой, Н. А. Вишневской, Л. А. Калининковым и др.) накоплен и представлен в формате монографических изданий существенный опыт осмысления проблемы восприятия философии Шопенгауэра в России в ракурсе поэтики и художественной идеологии. Широкое поле исследовательских позиций, нацеленных на постижение природы творческого диалога «Фет – Шопенгауэр», очерчено в антологии «А. А. Фет: pro et contra» (2022).

Следует упомянуть и о том, что с 2002 года по настоящее время по инициативе ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН ведется работа по подготовке полного собрания сочинений А. А. Фета в 20-ти томах. Помимо основных (канонических) вариантов фетовских текстов, это академическое издание содержит черновики и варианты текстов русского поэта, а также подробный научный комментарий к ним, что само по себе открывает дополнительные возможности для более глубокой проработки заявленной проблемы.

Актуальность темы настоящего диссертационного исследования обусловлена высокой степенью внимания современной гуманитарной науки к

проблеме диалога русской литературной культуры второй половины XIX века и иррациональной философии Шопенгауэра. Однако, учитывая уровень интенсивности и продуктивности этого диалога, приходится признать, что существующий значительный объем научных изысканий, посвященных данной теме, носит по преимуществу фрагментарный характер и в своей совокупности не даёт целостного представления о роли и месте Шопенгауэра в развитии русской литературы второй половины XIX века. До сих пор в полной мере не решена общая проблема периодизации и магистральных путей творческой рецепции философии монистического волюнтаризма А. Шопенгауэра отечественным культурным сознанием, а также проблема частных форм его литературно-философской и поэтико-методологической трансформации в русском интеллектуальном и художественном дискурсах указанного периода. Иными словами, на сегодняшний день существует потребность в системной оценке влияния немецкого философа на литературный процесс второй половины XIX века в России, чему и посвящена настоящая работа.

Объект исследования – комплекс идей философии Шопенгауэра, творчески воспринятый русской литературной культурой второй половины XIX века и актуализированный в творчестве крупнейших писательских персоналий данного периода, в частности, в творчестве А. А. Фета.

Предмет исследования – этапы, содержание и персональные варианты творческого диалога русской литературной культуры второй половины XIX столетия с философией А. Шопенгауэра.

Цель исследования: определить сценарии рецепции и творческой интерпретации философии А. Шопенгауэра русской литературной культурой второй половины XIX века и, в частности, А. А. Фетом как наиболее репрезентативным субъектом данного процесса.

Основные исследовательские задачи:

- определить роль и место А. Шопенгауэра в европейской интеллектуальной культуре XIX века;

- охарактеризовать различные рецептивные практики концептуальных установок А. Шопенгауэра в русской литературной культуре второй половины XIX века;

- рассмотреть истоки и пути восприятия базовых констант иррациональной философии А. Шопенгауэра А. А. Фетом;

- проанализировать варианты творческого переосмысления и развития онтологических мотивов философской системы А. Шопенгауэра в лирике А. А. Фета.

Теоретико-методологическая основа исследования опирается на фундаментальные труды таких отечественных и зарубежных теоретиков литературы, как А. Н. Веселовский, В. М. Жирмунский, М. М. Бахтин, Х. Р. Яусс, Л. М. Розенблюм, Ю. Б. Борев, В. Изер, В. И. Тюпа и др. Важными для исследования также являются работы ученых-философов Э. М. Каро, С. О. Грузенберга, Ф. Ч. Коплстона, И. С. Андреевой, И. В. Блауберга, Э. Г. Юдина,

Д. Реале, П. С. Гуревича, Д. Антисери, Р. Сафрански и др. При определении ключевой для диссертационного исследования теоретической дефиниции «литературная культура» автор опирается на исследовательский опыт Л. Д. Гудкова и Б. В. Дубина, С. И. Николаева, Л. И. Сазоновой, А. Н. Пашкурова и др.

Материал исследования: философские сочинения А. Шопенгауэра; художественные произведения, дневниковые и эпистолярные записи И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Д. Н. Мамина-Сибиряка, Н. С. Лескова, В. М. Гаршина, А. П. Чехова и других писателей, в чьем творчестве проявилось влияние философии Шопенгауэра; поэтические произведения позднего периода творчества А. А. Фета, вошедшие в состав сборника «Вечерние огни», и его прозаические сочинения («Дядюшка и двоюродный братец», «Семейство Гольц», «Кактус», «Вне моды»), переписка Фета с русскими писателями и мыслителями (Л. Н. Толстым, И. С. Тургеневым, Н. Н. Страховым и др.). В числе исключительно важных для настоящей работы материалов является корпус статей, опубликованных на страницах «толстых» литературных журналов второй половины XIX века («Отечественные записки», «Русский Вестник», «Вестник Европы», «Русское слово», «Современник» и др.) и отразивших диалог русского культурного сознания с европейской иррациональной философией, а также вошедших в состав «Трудов Московского психологического общества» как своего рода компендиума философии Шопенгауэра, освоенной русской мыслью второй половины XIX века.

Методы исследования: диссертация базируется на сочетании нескольких продуктивных аналитических стратегий, применяемых в зависимости от конкретных аспектов решаемой задачи. Общим методологическим направлением, которого придерживается автор на всем протяжении исследования, является рецептивная эстетика, ориентированная на проблемы диалога и понимания. В зависимости от конкретных задач сочетаются различные подходы системного, культурно-исторического, сравнительно-исторического (компаративного) и рецептивно-эстетического видов анализа.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в системной реконструкции процесса диалогического взаимодействия немецкой неклассической философии А. Шопенгауэра и русской литературной культуры второй половины XIX века, в ходе которой выявлены, в частности, пути и формы творческой рецепции интеллектуального наследия А. Шопенгауэра А. А. Фетом. Помимо этого, в работе впервые в отечественной науке представлен целостный обзор восприятия и оценки философии Шопенгауэра в русской периодической печати данного периода.

Теоретическая значимость работы заключается в обосновании нового подхода к изучению русской литературной классики второй половины XIX века и, в частности, поэтического наследия А. А. Фета. Данный подход позволяет квалифицировать прижизненные сборники «Вечерних огней» как

единый концептуальный текст, который складывается из фаз формирования художественного замысла, направленных на реализацию книготворческой стратегии автора. «Вечерние огни» рассматриваются как симптоматичный факт общего интеллектуального и художественного диалога русской литературной культуры с философским наследием А. Шопенгауэра.

Практическая значимость работы состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении русско-немецкого межкультурного диалога; при создании учебных пособий для высшей и средней школы, в практике вузовского и школьного преподавания литературы, систематического курса истории русской литературы второй половины XIX века, а также при разработке новых разделов комментария к академическому изданию сочинений А. А. Фета.

Наиболее существенные результаты исследования сформулированы в следующих **положениях, выносимых на защиту**:

1. Процесс восприятия идей А. Шопенгауэра в России соответствовал общеевропейской тенденции, связанной со спадом интереса к немецкой классической философии и возрастанием авторитета иррационалистических концепций на фоне разочарования *modus operandi* рационализма.

2. Рецепция философской системы А. Шопенгауэра отечественным культурным сознанием второй половины XIX столетия проходит в три этапа: опосредованное знакомство с идеями немецкого философа, сопровождающееся острой критикой и неприятием их пессимистической основы (1850–60 гг.), постепенно перерастает в детальный анализ и сущностное их понимание как оригинальной философии волюнтаризма (1860–70 гг.), после чего очередной – третий – этап этого процесса (1880–1890 гг.) оказывается связан уже с попытками переосмысления и преодоления базисов пессимизма и обнаружения экзистенциальной доминанты шопенгауэровского наследия.

3. Напряженный интерес русской литературной классики второй половины XIX века (И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. П. Чехов и др.) к философским сочинениям А. Шопенгауэра был обусловлен их антропоцентрической природой, актуализирующей экзистенциальную ситуацию личностного самоопределения как необходимой составляющей человеческого бытия.

4. Повышенное внимание А. А. Фета к философии А. Шопенгауэра было вызвано как внешними, так и внутренними причинами. Идеи немецкого философа воспринимались имплицитно, как своего рода *Zeitgeist*, соответствующий внутренним мировоззренческим установкам писателя. Кроме того, окружение А. А. Фета в лице Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, Н. Н. Страхова и др. способствовало постоянному диалогу и осмыслению онтологической парадигмы неклассической немецкой философии.

5. Творчество А. А. Фета служит наглядным примером отражения процесса поэтапного восприятия философии А. Шопенгауэра русским культурным сознанием второй половины XIX века. Формы творческой

рецепции, проявляющиеся в диалоге Фет–Шопенгауэр, соотносятся с основными этапами процесса восприятия текста: понимание (Understanding), интерпретация (Interpretation), применение (Application). Этап понимания соотносится с первичным знакомством поэта с трудами А. Шопенгауэра как пессимистической онтологической моделью; этап интерпретации ознаменован переходом от поверхностного восприятия негативистского духа немецкой неклассической философии к анализу волюнтаристской парадигмы; на этапе применения происходит художественное переосмысление и творческая интерпретация философских построений Шопенгауэра как результат наложения его онтологических философем на поэтический мир А. А. Фета.

6. Характерным фактом, иллюстрирующим этот процесс, являются поэтические сборники «Вечерних огней», где идеи А. Шопенгауэра отражаются и оригинально трансформируются посредством богатого арсенала конструктивных возможностей художественной литературы: композиционной структуры сборников как широкого полотна человеческой жизни, мотивного комплекса экзистенциальной семантики (мотив смерти, мотив любви, мотив одиночества и т.д.), сквозных образных феноменов (образ злой Воли, образ моря, образ поэта-творца и т.д.). В результате этой творческой рецепции, запечатлённой на страницах «Вечерних огней», волюнтаризм А. Шопенгауэра обретает у А. А. Фета характер художественной философии парадокса, когда из мрачно-пессимистической модели вытекают жизнеутверждающие выводы, что существенно расширяет горизонт эстетического ожидания читателя и ставит Фета на уровень не столько последователя, сколько равноправного партнёра, а иногда и оппонента в ситуации диалога с немецким мыслителем.

7. Онтологические пересечения А. А. Фета и А. Шопенгауэра в «Вечерних огнях» являются не случайными заимствованиями, а выступают отражением общего процесса, происходившего в русской литературной культуре второй половины XIX века. Иррациональная философия А. Шопенгауэра попадает в фокус интереса русской литературной культуры данного периода и активизирует её диалогический потенциал. Влияние воли, свободы и одиночества на жизнь личности становятся основными экзистенциальными модусами русской литературы, созвучными интеллектуальным константам шопенгауэрианского дискурса.

Соответствие паспорту научной специальности. Результаты диссертационной работы соответствуют следующим пунктам паспорта научной специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации: п. 3 – «История русской литературы XIX века (1800–1890-е годы)», п. 10. – «Биография и творческий путь писателя», п. 11 – «Творческая лаборатория писателя, индивидуально-психологические особенности личности и ее преломлений в художественном творчестве», п. 15 – «Взаимообусловленность различных видов литературного творчества: письма, дневники, записные книжки, записи устных рассказов и т.п.», п. 16 – «Русские эго-документы в их историческом развитии и взаимодействии с художественной литературой», п. 17 – «Многообразие связей художественной

литературы с сочинениями историков и философской мыслью», п. 25 – «Россия и Запад: их литературные взаимоотношения».

Степень достоверности результатов исследования обеспечивается репрезентативностью эмпирического материала и опорой на обширную научно-исследовательскую базу теоретических и историко-литературных работ по изучению рассматриваемой темы.

Личный вклад соискателя состоит в постановке цели и задач исследования, непосредственном участии в получении исходных данных, анализе конкретного материала и интерпретации полученных результатов; в представлении результатов диссертации на конференциях, в подготовке публикаций по результатам выполненного изыскания.

Апробация исследования. Результаты диссертационного исследования были представлены в форме докладов на конференциях регионального, всероссийского и международного уровней: Всероссийской конференции «Дергачевские чтения. Русская словесность: диалог культурно-национальных традиций» (13–14.10.2016, Екатеринбург), Региональной научно-практической конференции «Самобытность таланта: творческая индивидуальность писателя в контексте культурной традиции» (20.10.2017, Сургут), III Международной научной конференции «Современная регионалистика: традиционные подходы и новые направления» (26–27.10.2023, Сургут), XI Международной научно-практической конференции «Текст в системе обучения русскому языку и литературе» (14–15.06.2023, Астана), XXV Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения и преподавания литературы в вузе и школе – Лейдермановские чтения» (29.03.2024, Екатеринбург), XII Международной научно-практической конференции «Текст в системе обучения русскому языку и литературе» (20–21.06.2024, Астана).

По теме диссертации опубликовано 11 работ, в том числе 5 статей в рецензируемых научных журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть представлены основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук и 6 публикаций, индексируемых в национальной библиографической базе данных РИНЦ (Российский индекс научного цитирования). В опубликованных работах достаточно полно изложены материалы диссертации.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии, включающей 241 наименование. Общий объем диссертации составляет 202 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Логика построения работы обусловлена базовыми принципами теории рецептивной эстетики и обусловлена концепцией трех этапов рецепции литературного феномена, сформулированной Х. Р. Яуссом. Первая глава отражает этап понимания философии Шопенгауэра, вторая – интерпретации,

и, наконец, третья глава характеризует этап применения, основным медиатором которого становится позднее творчество А. А. Фета.

Во **Введении** сформулирован аппарат исследования (объект, предмет, цель, основные задачи и т.д.), описаны актуальность и новизна темы, поясняется выбор методов исследования, теоретическая и практическая значимость; выдвигаются основные положения работы, выносимые на защиту.

В **первой главе «Философский волюнтаризм А. Шопенгауэра в оценке его современников»** рассматриваются основные положения философии Шопенгауэра, а также дается характеристика процесса восприятия его философских идей в Европе и русской периодике 1850–60-х годов. Цель данной главы заключается в комментированной презентации именно тех концептуальных установок волюнтаризма немецкого мыслителя, которые получают наиболее живой и заинтересованный отклик в России на протяжении второй половины XIX столетия.

В разделе 1.1. *«Место философии А. Шопенгауэра в европейской культуре первой половины XIX века»* охарактеризованы основные положения философской системы немецкого мыслителя.

Шопенгауэр был одним из первых философов-иррационалистов, которому удалось найти своих последователей уже в XIX веке. Первоначальное восприятие его идей было негативным, т.к. его стиль, идеи, антропоцентричность и видимая пессимистичность слишком явно отличались от постулатов классической философии. Логика развития европейской философской мысли соответствует принципу, позднее сформулированному О. Шпенглером: «*Voluntas superior est intellectu*». Со второй половины XIX века интеллектуальный процесс в Европе представляет собой переход от метафизической стадии к стадии этической. Меняется само восприятие личности: от идеальной абстракции философия обращается к реальному человеку, а Шопенгауэр становится одним из основополагающих мыслителей иррационализма.

Уже в начале XIX века мировоззрение нового типа стало оформляться в поэзии. Отрицательное отношение к действительности, разочарование и «мировая скорбь» стали маркером творчества европейских романтиков – Байрона, Вордсворта, Новалиса и др., в философии для критического негативизма долгое время не было места. Связано это с подавляющим преобладанием теорий Фихте, Шеллинга и Гегеля в пространстве послекантовской философии.

Так, лирический герой английского поэта Д. Г. Байрона – не только бунтующий романтик, он фатально одинок в этом наполненном несчастьем мире. Во многих произведениях Байрона мотив одиночества и скорбного бытия является доминирующим. Это можно увидеть, например, в стихотворении «Когда б я мог в морях пустынных...», «Воспоминание» и др. Также стоит отметить, что поэма «Манфред» и мистерия «Каин» утверждают эти принципы в качестве первоосновы бытия своих героев.

Среди трудов немецкого романтизма особенно выделяется сатирический роман «Ночные бдения», опубликованный в 1805 году под псевдонимом «Бонаventura». В произведении доминируют inferнальные картины, а поиск истинных смыслов представлен в ироническом контексте. Кольцевая композиция «Ночных бдений» иллюстрирует мысль о неизбежности и всеисилии смерти.

Представителем итальянского романтизма, выразившим в своем творчестве пессимистическое мировоззрение, является поэт, филолог и мыслитель – Дж. Леопарди. Несмотря на мрачный пессимизм, мировоззрение Леопарди все-таки отличается от более позднего волюнтаризма Шопенгауэра. Здесь можно выделить два пункта: причина зла и средства его преодоления. О первопричине зла Леопарди не размышляет. Зло ощущается, но не рефлексируется, а только переживается как неотъемлемая часть мира.

Особую роль в зарождении иррациональной философии экзистенциализма сыграл датский религиозный мыслитель С. Кьеркегор. Подлинный гений философии, по Кьеркегору, – страх и трепет человека перед лицом неминуемой смерти. Именно экзистенциальный страх делает человека личностью. М. Штирнер – мыслитель новой формации, предвосхитивший своими идеями появление нигилизма, экзистенциализма и ставший основателем идеологии индивидуал-анархизма, – критикует все формы правления, спор древних и новых философий, давая взамен прообраз Сверхчеловека, названного «Единственным». По мнению А. Леви, идеи Штирнера следует воспринимать как введение в метафизику А. Шопенгауэра.

На фоне современников идеи Шопенгауэра о Воле как основной движущей силы человеческого бытия нашли своих последователей уже в XIX в. (Э. фон Гартмана, Ф. Ницше и др.), считавших немецкого мыслителя своим непосредственным учителем. Основные положения шопенгауэровского иррационализма, изложенные в его основных сочинениях («О четверояком корне закона достаточного основания», 1813; «Мир как воля и представление», 1818; «Об основе морали», 1840; «Parerga und Paralipomena», 1841–1851 и др.), в тезисном виде выглядят следующим образом: в основе мира лежит воля; человек как самая высокая точка объективации имеет возможность выбора, но только воля способна определять все сущее и влиять на него. Человек в такой онтологической модели подобен рабу слепой воли. Освобождение от рабства лежит либо в аскетизме, в бесконечной борьбе человека с Волей во всех ее проявлениях, либо в чистом искусстве. Приближаясь к сути вещей и отделяясь от эгоистичной воли, эстетический опыт становится близок духовному аскетизму, так как в истинном искусстве личность растворяется и остается лишь духовная интуиция гения. Одиночество является не только необходимым условием процесса отчуждения воли (в конце концов, добровольное и осознанное одиночество – суть социального аскетизма), но и показателем свободы человека. Личность может достичь согласия и гармонии лишь наедине с самим собой.

Активно используя методы рациональной философии, Шопенгауэр полностью отказывается ставить рационализм во главу существования человека, утверждая доминирование в человеческой жизни иррациональных начал, тем самым подводит итог доминированию рационализма и открывает новую эпоху в истории европейской интеллектуальной культуры.

В разделе 1.2. «Философия А. Шопенгауэра в русской периодике 1850–60-х годов» объектом рассмотрения являются русские «толстые» литературные журналы, которые во второй половине XIX века играют роль индикатора социально-политической и философской активности в России. Острой дискуссионной темой в этот период становятся в числе прочего пессимизм и волюнтаризм А. Шопенгауэра.

В данном параграфе рассматриваются ранний опыт восприятия философии немецкого мыслителя, отразившейся в журнальной периодике. В частности, дана аналитическая характеристика статьи С. Рачинского, вышедшей в 1857 году в 9 номере «Русского вестника» (раздел «Современная летопись»), где на фоне общего обзора истории европейской философии автор делает акцент на набирающей популярность концепции А. Шопенгауэра, давая, однако, негативную оценку ее пессимистическим основаниям.

В 60-е годы XIX века пристальное внимание к философии Шопенгауэра наблюдается в публикациях журнала «Русское слово». В № 1 за 1863 год А. Гиероглифовым представлено краткое изложение трактата «Метафизика половой любви», в котором излагаются основные тезисы Шопенгауэра, видящего в любви «родотворный инстинкт», «агенцию рода», «закон природы», которые разрушают личность. При этом автором отмечается необычный стиль языка, пессимизм и определенная авторская мизантропичность, что станет стереотипным оценочным фактором восприятия творчества Шопенгауэра на ближайшие десятилетия.

Одной из линий интеллектуального диалога являются анонимная статья в «Современнике» (1860, № 4) и статьи Н. Страхова в «Светоче» (1860, № 7), в которых публикуются отклики на работу П. Лаврова «Очерки вопросов практической философии» и даётся косвенная отсылка к базовым константам философских сочинений немецкого мыслителя.

1850–60 годы XIX века представляют собой лишь первые попытки подхода к системному взгляду на наследие иррациональной парадигмы. Философия Шопенгауэра воспринимается ещё настороженно и не подвергается глубокой оценке, отмечается лишь ее чуждость рациональным системам своего времени и критически считается лишь ее первичный пессимистический слой.

Во второй главе «Варианты интерпретации идей А. Шопенгауэра в русской литературной культуре второй половины XIX века» основной акцент сделан на характеристике парадигмы восприятия философии Шопенгауэра в русской культурной среде второй половины XIX века. Материал данной главы даёт наглядное представление о вариативных путях восприятия философии Шопенгауэра русским культурным сознанием и

выступает в качестве контекстуальной основы творческого диалога А. А. Фета с франкфуртским иррационалистом.

В разделе 2.1. *«Спор о воле, вере и пессимизме: восприятие философии А. Шопенгауэра в русской периодике 1870–1890-х годов»* на материале толстых литературных журналов, философских и философско-критических работ осуществлен анализ острой дискуссии по поводу жизнеспособности и перспективности философии волюнтаризма во второй половине XIX века. В данном параграфе, помимо всего прочего, рассмотрены первые переводы работ Шопенгауэра на русский язык и работ западных исследователей его интеллектуального наследия, выходивших в России в рассматриваемый период.

1870-е годы стали периодом интенсификации интереса к философии Шопенгауэра, однако произошло это не напрямую, а во многом благодаря посредству Э. Гартмана. Его трактат *«Сущность мирового процесса, или Философия бессознательного»* в переводе А. А. Козлова вышел в Москве 1873–75 годах, в то время как переводы произведений А. Шопенгауэра (за исключением анонимного перевода *«Метафизики любви»*) выйдут лишь в 80-е годы). *«Отечественные записки»* становятся одним из первых журналов, обративших внимание на ученика Шопенгауэра. Здесь выходит статья Г. Е. Струве *«Новейшее произведение философского пессимизма в Германии»* (1873), в которой разъясняется, что в основе учений Шопенгауэра и Гартмана стоит понятие воли, которая, по мнению немецких мыслителей, является истинной сущностью мира, его истинным началом. С этого момента происходит переход от критического восприятия к интерпретации иррациональной философии в России.

Труд Г. Е. Струве становится прологом к сочинениям В. С. Соловьева, посвященным изучению западноевропейской мысли. Работы русского философа 1870-х годов не только дали последовательную и комплексную оценку доктрины немецкого мыслителя, но и вызвали новый виток обсуждения пессимистической философии на страницах журнала *«Русский вестник»*. Соловьёв активно отстаивает значение метафизики для философской науки и обращается к эвдемоническим и этическим проблемам, составляющим наиболее сильную сторону учения Шопенгауэра.

В 1877 году отдельным изданием выходит работа А. А. Козлова *«Два основных положения философии Шопенгауэра»*, в которой автор одним из главных достижений немецкого мыслителя считает расширение понятия воли, особенно в сфере психологической, перенеся ее в другие сферы, в том числе в биологическую, физическую и метафизическую. В этом же году печатается книга Ф. Ф. Гусева *«Изложение и критический разбор нравственного учения Шопенгауэра»*, где тезис немецкого философа о связи аскетической методологии с отчуждением воли был подвергнут критическому анализу.

Если обратить внимание на генеральную линию развития *«Вестника Европы»*, то можно увидеть, что в 1870–1880 годах акцент опубликованных материалов смещается с исторических вопросов на философские. В течение

двух десятилетий среди всех других толстых литературных журналов именно в «Вестнике Европы» довольно часто фигурирует имя Шопенгауэра, в том числе в связи с критикой работ Вл. Соловьева.

Знаковым моментом интерпретационного этапа философии Шопенгауэра в России является выход «Трудов Московского психологического общества». Первый их том (1888) полностью посвящен жизни и идеям немецкого философа, в нем представлены труды В. И. Штейна, Н. Я. Грота, Л. М. Лопатина и В. П. Преображенского. Состав сборника был достаточно разнообразным: от биографических очерков до анализа этических и гносеологических сторон философской системы немецкого мыслителя. Помимо биографического этюда Штейна, автобиографической заметки Шопенгауэра, сборник включал как библиографию Шопенгауэра, так и список работ, посвященных анализу философии немецкого пессимиста на русском и иностранном языках, биографических работ и переводов его сочинений. Третий выпуск журнала, вышедший в 1889 году, был посвящен проблеме свободы воли. Эта проблема утверждалась журналом как магистральная проблема многих исследователей конца XIX века. В сборнике были представлены работы Н. Я. Грота, Л. М. Лопатина, Н. В. Бугаева, А. А. Токарского, П. Е. Астафьева. Непосредственно Шопенгауэру была посвящена статья Н. Я. Грота «Критика понятия свободы воли в связи с понятием причинности».

В 1890-е годы выходят многочисленные переводы работ европейских мыслителей, посвященных различным аспектам жизни и творчества Шопенгауэра, например «А. Шопенгауэр. Его жизнь и научная деятельность. Биографический очерк» Э. К. Ватсона (1891), «Пессимизм в XIX веке: Леопарди–Шопенгауэр–Гартман» Э. М. Каро (1893), «Пессимизм. История и критика» Д. Селли (1893), «Нравственные идеи нашего времени. Бурже, Золя, Дюма, Толстой, Брунетьер, Ренан, Шопенгауэр» Э. Рода (1898) и т.д.

1880–90-е годы совпали с пиком популярности философии Шопенгауэра в России. В это время были переведены «Афоризмы житейской мудрости» и другие его работы. Многие книги, изданные в эти годы, выдерживали три и более изданий. Однако наибольшим интересом пользовались не онтологические, а этические сочинения Шопенгауэра. За редким исключением переводы его работ не были структурированы и не делились по книгам и трактатам, а выходили фрагментарно и компилятивно. Эта переводческая небрежность была преодолена стараниями А. Фета, чей перевод трактата «Мир как воля и представления» вышел в 1881 г. и предстал как первое подлинно профессиональное издание, которое адекватно представило широкому кругу русских читателей систему идей немецкого философа.

В разделе 2.2. «Русские писатели второй половины XIX века и философия А. Шопенгауэра: рецепция, творческий диалог» представлены магистральные рецептивные тенденции, проявившиеся в творчестве крупнейших персоналий русского литературного процесса (И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Д. Н. Мамин-

Сибиряк, Н. С. Лесков, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов и др.) и запечатлённые в их художественных сочинениях и эго-документах.

Одним из первых русских писателей, которого привлекло творчество А. Шопенгауэра, является И. С. Тургенев. Уже в ранних сочинениях Тургенева имеются предпосылки восприятия определенных философских концепций Шопенгауэра («Стено», 1834), где очевидно стремление противопоставить рефлексию и природность стремлению к их синтезированию. В более поздних произведениях Тургенева фигурируют другие очевидные типологические сходства с философской картиной мира немецкого мыслителя. Соотнося теорию гения с судьбой Рудина, героя одноименного романа (1855), можно обнаружить, что вечные ценности становятся частью человеческой жизни лишь ценой одиночества, неприкаянности, страданий и гибели. В романе «Отцы и дети» (1862) обнаруживается явная связь теории нигилизма и немецкой неклассической философии. В повести «Довольно» (1865) доминируют чувство усиливающейся обреченности и общий пессимистический настрой автора. Близость творческих поисков Тургенева и Шопенгауэра особенно ярко проявляется в повести «Призраки» (1864): очевидные признаки реминисценций идей Шопенгауэра обнаруживаются в описании вида земли с высоты птичьего полета в главе XXIII, что отсылает нас к работе «Мир как воля и представление». Кроме того, само произведение пропитано пессимизмом, что в целом соответствует основному умонастроению волюнтаристской системы немецкого философа. Влияние Шопенгауэра прослеживается и в произведении «Песнь торжествующей любви» (1881), где вновь прослеживаются типологические схождения с шопенгауэровской теорией любви, что встречалось и в более ранних произведениях Тургенева. Так, например, в романе «Накануне» (1859) упоминаются типы любви по Шопенгауэру: «И любовь соединяющее слово; но не та любовь, которой ты теперь жаждешь: не любовь-наслаждение, любовь-жертва»¹.

Интерес Тургенева к Шопенгауэру был очевиден, но глубина понимания смыслов самой философской системы остается не до конца проясненной. В сохранившихся письмах русского писателя немецкий философ упоминается лишь несколько раз, преимущественно в переписке с А. И. Герценом и А. А. Фетом. Тем не менее, базовые реминисценции, связанные с пессимизмом, любовью и одиночеством очевидны и достаточно часто встречаются в произведениях русского романиста.

Другим писателем, для которого Шопенгауэр стал неотъемлемой частью его интеллектуального интереса, был Л. Н. Толстой, начавший активно читать труды немецкого философа уже в 1860-е годы. Этот интерес выливается в активный творческий диалог, который можно увидеть на страницах произведений русского классика. В романе «Война и мир» один из творческих

¹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч. в 12 т. – М. : Наука, 1981-а. Т. 6. – С. 167.

стимулов писателя воплощался в словах Шопенгауэра: «“Весь мир погибнет, если я остановлюсь”»².

Однако постепенно восхищение идеями немецкого мыслителя сменяется у Толстого его критикой. Разочарование в учении Шопенгауэра происходит после 1869 года в период творческого кризиса, переживаемого русским писателем. Тем не менее, Толстой не полностью разрывает с философией Шопенгауэра и периодически обращается к ней. Так, прямые отсылки к идеям Шопенгауэра и полемика с ними содержатся в романе «Анна Каренина» (1877) в связи с образом Константина Левина.

Рост критических настроений Л. Н. Толстого по отношению к философии Шопенгауэра начинает отчетливо проявлять себя со второй половины восьмидесятых годов. В частности, в философской статье «О жизни» (1886–1887) он пишет: «То, что мы называем жизнью, есть игра смерти. При таком взгляде на жизнь, смерть не только не должна быть страшна, но должна быть страшна жизнь»³. Эту линию размышлений Толстой творчески воплотил в повестях «Смерть Ивана Ильича» (1886) и «Крейцера соната» (1890). Полного разрыва с философией Шопенгауэра у Толстого не происходит. Немецкий мыслитель перестает быть его наставником и становится лишь одним из собеседников, к которому писатель неоднократно будет возвращаться, иногда и с критическими целями.

Уральский прозаик Д. Н. Мамин-Сибиряк увидел в Шопенгауэре полезного собеседника, позволяющего свести в единое целое разрозненные нити негативистских учений XIX века. Пик интереса к философии немецкого мыслителя приходится у него на 1870–1890 годы, когда писатель активно работал над романами т.н. «уральского» цикла и произведениями малых повествовательных жанров («Семья Бахаревых», «Приваловские миллионы», «Баймаган», «Братья Гордеевы» и др.). Особое внимание Мамин-Сибиряк уделяет шопенгауэровской концепции любви, в которой он видит крайнюю зависимость человеческого существа от бессознательного влечения-страсти, что грозит индивидууму саморазрушением личности. Становясь на позицию критика данных идей, писатель тем не менее не отвергает их, а переосмысляет.

Н. С. Лескова также можно отнести к разряду вдумчивых читателей философии волюнтаризма. Уже в повести «Леди Макбет Мценского уезда» (1864) прослеживается диалогическая связь с «Метафизикой половой любви» Шопенгауэра. Тематически «Леди Макбет» перекликается с идеями Шопенгауэра относительно разрушительности эроса. Такая любовь, доведенная до своего логического завершения, приводит лишь к катастрофе и разрушению личности, что и происходит с Катериной Измайловой, порвавшей семейные узы и готовой принести любые жертвы на алтарь своей страсти.

Несмотря на то, что идеи немецкого мыслителя так и не становятся центральными в творчестве Лескова, дух философии Шопенгауэра и её общий настрой пропитывают лесковское творчество позднего периода. Так,

² Эйхенбаум Б. М. О прозе. – Л.: Худ. лит., 1969. – С. 84-85.

³ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 26. – М.: Худ. лит., 1936. – С. 400.

например, имя Шопенгауэра напрямую фигурирует в рассказе «Зимний день» (1894), общие типологические сходжения можно обнаружить в таких его рассказах 1890-х гг., как «Юдоль» (1892), «Продукт природы» (1893), «Загон» (1893), «Зимний день» (1894) и др.

Творчество В. М. Гаршина своим общим умонастроением было крайне близко к философской модели А. Шопенгауэра, пусть и существенно переосмысленной. Сама идейно-тематическая направленность произведений писателя, его глубокий анализ личности и постоянный поиск смысла в одиноком мире, законы которого малопонятны человеку, позволяют обнаружить сходства типологического характера между героями В. М. Гаршина и проблемами, которые поднимал А. Шопенгауэр в своей философии.

У Гаршина выстраивается особая этическая и эстетическая система, в которой категория страдания становится краеугольным камнем его художественного творчества. Путь героев Гаршина пролегает в вечной тоске и поиске справедливости. Они существуют в состоянии парадоксальной «подвешенности», которая зачастую приводит их к смерти («Четыре дня» (1877), «Трус» (1879), «Ночь» (1880)).

Не столь очевидна существующая связь между творчеством Ф. М. Достоевского и А. Шопенгауэра. Основные пути восприятия философии немецкого мыслителя Достоевским носят опосредованный характер: писатель был знаком с произведениями Вл. Соловьева и слушал его публичные лекции, в его библиотеке была книга А. Ф. Гусева «Нравственный идеал буддизма в его отношении к христианству», кроме того в 1870-е годы, когда создавались главные сочинения Достоевского, он был близок со Страховым. Однако будучи писателем, тонко чувствующим основные направления развития философии XIX века, художник вступал в полемику с идеями Шопенгауэра и М. Штирнера.

Ф. М. Достоевский был убежден в наличии у человека свободной слепой воли, но в то же самое время хорошо сознавал ограниченность этой свободы. Его героя всегда находят на грани, чувствуют непреходящее давление мировой Воли, ощущают обреченность и одиночество отдельного человека в мире. Так, например, в «Записках из подполья» «Воля к жизни» в сознании героя переплетается с его рефлексивностью, ведь разум, по Шопенгауэру, служит орудием обуздания «воли». Волюнтаристский дискурс прослеживается как в крупных («Преступление и наказание» (1866), «Идиот» (1869), «Бесы» (1872), «Братья Карамазовы» (1880)), так и в средних и малых («Село Степанчиково и его обитатели» (1859), «Записки из подполья» (1864), «Сон смешного человека» (1877)) эпических жанрах.

В творчестве А. П. Чехова интерес к Шопенгауэру проявляется прежде всего в соответствии творческой тематики общему духу эпохи. Хотя русский драматург и мастер малой прозаической формы не столь глубоко интересовался философским наследием немецкого мыслителя, тем не менее темы, поднимаемые волюнтаристским мыслителем, были ему близки. В своих

письмах и дневниках сам Чехов не уделял большого внимания Шопенгауэру, но он упоминал о нем в переписке с писательницей Е. М. Шавровой-Юст.

Преломление идей А. Шопенгауэра обнаруживается как в прозаических («Палата № 6»), так и драматических чеховских произведениях. Например, в пьесе «Дядя Ваня» (1896) герои полностью поглощены бытом, ни на что иное у них просто не хватает сил. Страдающий от бессмысленности своего существования Войницкий и поглощенный работой Астров в одинаковой мере отчуждены от течения жизни, у них нет никакой надежды воплотить свои мечты.

Мысли Шопенгауэра в творчестве Чехова являются косвенным стимулом создания персонажного образа, без которого создать реалистичную модель личности того времени было невозможно. Немецкий философ предстает для Чехова не столько как собеседник, сколько как часть общего умонастроения, пропитывающего русское общество конца XIX века.

В третьей главе **«Отражение философии А. Шопенгауэра в творчестве А. А. Фета (рецепция, интерпретация, творческий диалог)»** дается представление о путях и формах восприятия философии Шопенгауэра русской литературной культурой второй половины XIX века, которое конкретизируется и принципиально уточняется благодаря разноаспектному обращению к творческому наследию А.А. Фета.

Разделе 3.1. *«Восприятие и интерпретация философии А. Шопенгауэра А. А. Фетом»* содержит анализ эго-документов, характеристику процесса перевода «Мира как воля и представление» и обзор прозаических сочинений Фета как диалогической реакции на идеи волюнтаризма.

Есть основания предположить, что Фет мог заинтересоваться творчеством немецкого философа еще в 1850-е годы. Даже если русский писатель и не был в тот период напрямую знаком с творчеством немецкого иррационалиста, горизонт его ожидания был достаточно сформирован для того, чтобы воспринять близкое по духу умонастроение пессимистической философии. На это, в частности, указывают прозаические произведения писателя, которые выходили на протяжении всего его творческого пути, были автобиографичны и могут, в целом, восприниматься как некоторый «срез» жизненных воззрений писателя.

Одиночество, обречённость, мимолетность жизни и неотвратимость смерти являются ведущими мотивами художественной прозы Фета. Одинок живёт и умирает Ковалев («Дядюшка и двоюродный братец», 1855), умирает разлученная с дочерью Софья Васильевна, заканчивает свою жизнь самоубийством Луиза Александровна («Семейство Гольц», 1870), неизбежна смерть цветка в рассказе «Кактус» (1881): «– Знаете, не срезать ли его теперь в этом виде и не поставить ли в воду? Может быть, тогда он проживет до утра? // – Не поможет, – сказал я. // – Ведь все равно ему умирать. Так ли, сяк ли. – Действительно. Цветок был срезан и поставлен в стакан с водой. Мы

распрощались. Когда утром мы собрались к кофею, на краю стакана лежал бездушный труп вчерашнего красавца кактуса»⁴.

Насколько бы не была несчастна и одинока их жизнь, фетовские герои находят свой временный душевный покой в моментах любования природой, в воспоминаниях о прошлом, которое минуло безвозвратно. Однако, несмотря на свою отчужденность и погруженность в собственные мысли, продолжает жить и наблюдать за действительностью находящийся «вне моды» Афанасий Иванович («Вне моды», 1888), у детей Софьи и Луизы есть надежда на будущее («Семейство Гольц»), а летопись жизни одинокого штаб-ротмистра была все-таки кем-то прочитана («Дядюшка и двоюродный братец»).

Переписка позволяет взглянуть на процесс знакомства русского поэта с творчеством Шопенгауэра более детально. Так, ещё в 1865 году Фет просит В. П. Боткина купить ему книги немецкого философа. Важным документом, свидетельствующем о качественном росте интереса к идеям Шопенгауэра, является переписка с Л. Н. Толстым, с которым Фет общался в эти годы: «Я с наслаждением стараюсь забрать Wirklichkeit [действительность (нем.)] над Шопенгауэром. Начал перевод <...> второй год я живу в крайне для меня интересном философском мире, и без него едва ли можно понять источник моих последних стихов»⁵. Свои размышления и сомнения по поводу человеческой жизни в мире безграничной Воли Фет выражает в письме от 19 февраля 1879 года; в письме от 6 марта 1879 года Фет делился радостью, связанной с прогрессом в переводе, а 31 января 1880 года, продолжая работу над переводом, Фет изложил Толстому свои размышления о танатологических философемах Шопенгауэра, где отражается его понимание основных положений, связанных с бессмысленностью самоубийства.

Поэт до конца своих дней шел в русле философии немецкого пессимизма, последовательно преодолевая его. Эту связь мы можем увидеть, например, в переписке А. А. Фета и Я. П. Полонского: «В глубине души я до последнего издыхания, зная по опыту и Шопенгауэру, что жизнь есть мерзость, все-таки буду жить надеждой, что вот-вот счастье и наслаждение помажут меня по губам»⁶. Отношение Фета к философии Шопенгауэра развивалось по следующей траектории: восприятие пессимистической парадигмы – анализ волюнтаризма – преодоление пессимистической базы учения. Для Фета само теоретическое изучение основы философской системы Шопенгауэра было своего рода онтологической рефлексией, которая отразила расширение горизонта ожидания относительно иррациональной немецкой философии в русском культурном сознании эпохи.

В разделе 3.2. *«Художественная трансформация философских положений А. Шопенгауэра в поэтическом творчестве А. А. Фета (на примере прижизненных выпусков сборника “Вечерние огни”)*» отмечается, что одним из

⁴ Фет А. А. Сочинения и письма: в 20 т. Т. 3. Повести и рассказы; Критические статьи. – СПб.: Фолио-Пресс, 2006. – С. 134.

⁵ Фет А. А. Сочинения в двух томах. – М.: Худ. лит., 1982. – Т. 2. – С. 259.

⁶ А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. Кн. 1. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. – С. 791.

наиболее насыщенных, с философской точки зрения, является поэтический сборник Фета «Вечерние огни» (1883–1891). Здесь сочетаются все основные темы, проблемы и мотивы лирики русского поэта: от импрессионистических пейзажных зарисовок до глубокой философской онтологии.

В структуру сборника поэтом положен тематический, а не хронологический принцип. Друг за другом в нем следуют стихотворения, которые были написаны в разные десятилетия, но внутренней своей мыслью связанные с тем или иным тематическим разделом. Примечательно, что разделы эти обозначены автором лишь в первом выпуске «Вечерних огней», а во втором и последующих связи устанавливаются имплицитно, а внутреннее единство читателю необходимо обнаружить самостоятельно.

Процесс понимания замысла художника усложняется тем, что среди любовных и философских стихотворений сборника расположены тексты «на случай», написанные иногда по, казалось бы, случайным поводам: от открытия памятника Пушкину до получения в подарок цветной капусты. При этом сама динамика размещения текстов «на случай» изменяется от выпуска к выпуску. Если в первом и втором выпуске «Вечерних огней» их количество единично, то в третьем выпуске число «событийных» и «именных» стихотворений увеличивается кратно (более десятка подобных произведений). В четвертом выпуске подобных произведений уже более двадцати.

Структурная логика сборников организована в определенном онтологическом ключе, позволяющем даже самым обыденным событиям придавать глубокий смысл. Этот архитектурный принцип позволяет рассматривать «Вечерние огни» как своего рода протоэкзистенциальное художественное полотно, в котором важную роль играют обыденные переживания, но выводимые из общей бытийной модели; полотно, что сплетается с содержательными элементами всех стихотворных произведений, помещенных в сборник.

Поэтический мир «Вечерних огней» открывается программным стихотворением-прологом, задающим общий диалогический модус всего сборника: «Окна в решетках и сумрачны лица, / Злоба глядит ненавистно на брата, / Я признаю твои стены, темница, / Юности пир ликовал здесь когда-то»⁷ (кн. 1, с. 7). Уже в этом произведении определяются общие черты художественной картины мира Фета, имеющей очевидные пессимистические тенденции и созвучные шопенгауэровскому пониманию пессимизма.

В стихотворении «Ничтожество» также проявляются элементы пессимистического мировоззрения поэта: «И вот всю жизнь с тех пор ошибка за ошибкой, / Я все ищу добра и нахожу лишь зло» (кн. 1, с. 19). В «Майской ночи» утверждается мысль о мимолетности и суетности счастья, которое подобно дыму. В стихотворении «Не тем, Господь, могуч, непостижим...»

⁷ Отсюда и далее цитаты из «Вечерних огней» А. Фета даются с указанием номера книги и страницы по изданиям: Фет, А. А. Сочинения и письма: в 20 т. Т. 5, кн. 1: Вечерние огни: выпуск первый (1883), выпуск второй (1885), выпуск третий (1888) / А. А. Фет. – М.; СПб.: Альянс-Архео, 2014. – 696 с.; Фет, А. А. Сочинения и письма: в 20 т. Т. 5, кн. 2: Вечерние огни: выпуск четвертый (1891); Стихотворения и поэмы 1864–1892 гг., не вошедшие в сборники / А. А. Фет. – М.; СПб.: Альянс-Архео, 2015. – 720 с.

утверждается мимолетность и суетность человеческого бытия, но наличие в человеке начала, подобного божественному, позволяет личности существовать вне своих смертных оков: «Я сам, бессильный и мгновенный, / Ношу в груди, как оный Серафим, / Огонь сильней и ярче всей вселенной» (кн. 1, с. 20). Этот «огонь» есть не что иное, как душа, причем линия рассуждения, предложенная Фетом, совпадает с принятой Шопенгауэром идеей Спинозы о вечности души. Мысль о неосуществимости счастья на земле лейтмотивом проходит через многие стихотворения поэта, такие, как «Одна звезда меж всеми дышит...», «В благословенный день, когда стремлюсь душою...», «Забудь меня, безумец иступленный...», «Напрасно».

Вопросу соотношения воли и смерти в жизни человека посвящены стихотворения, названия которых напрямую отсылают к корневому танатическому явлению-образу: «Смерть» (1878) и «Смерти» (1884). Стихотворение «Смерть» включено в цикл «Элегии и думы», вошедший в первый сборник «Вечерних огней» (1883). Композиция лирической миниатюры строится в антиномическом ключе. Типичная антитеза «жизнь–смерть» представлена в каждой отдельной строфе и развивается по циклическому принципу. При этом жизнь постепенно перетекает в смерть: от жажды и горячности в первых двух стихах первой строфы: «Я жить хочу! – кричит он, дерзновенный. / – Пускай обман! О, дайте мне обман!» (кн. 1, с. 12) – к «холодным водам океана» (там же); от бегства и неразрешимых вопросов – к подступающему торжеству смерти; от бесцельных, слепых поисков – к утверждению «бессмертного храма» смерти. В философии немецкого пессимиста представлена аналогичная циклическая картина.

Особенность лирической миниатюры «Смерти» (1885) состоит в том, что она построена в форме монолога, и это порождает определенную философическую интимность. «Я в жизни обмирал и чувство это знаю» (кн. 1, с. 170), – утверждает лирический герой с первых строк произведения. Соотношение первой строки со второй и третьей отражает понимание взаимодействия двух важных категорий – знания и смерти. В философии Шопенгауэра знание позволяет подавить страх смерти.

Мотив смерти является одним из ведущих в творчестве Фета и обнаруживается во многих стихотворениях всех четырех выпусков «Вечерних огней». Однако количество стихотворений, объединенных мортальными мотивами, неуклонно снижается от выпуска к выпуску. В четвертом выпуске их значительно меньше, чем в первом. Связано это с тем, что танатологические мотивы постепенно начинают сменяться мотивами воспоминания. То есть, это уже не только и не столько размышления о неминуемом исходе, сколько желание зафиксировать настоящее в нескончаемом потоке времени, как, например, в стихотворении четвертого выпуска: «Полуразрушенный, полужилец могилы...».

У Шопенгауэра понятие любви имеет достаточно четкое дихотомическое деление: эрос – плотская любовь, которая помогает мировой Воле торжествовать над человеком, и агапэ, которая представляется более сложным

явлением, связанным с духовной стороной человеческой жизни: это любовь, отрицающая волю и эгоизм.

В стихотворении «Томительно-призывно и напрасно...» любовь предстает одним из важнейших событий, которые могут произойти с человеком в жизни. Любовь подобна путеводному огню («Я пронесу твой свет чрез жизнь земную...») (кн. 1, с. 9), позволяющему человеку преодолеть все жизненные невзгоды, которые опосредованы в стихотворении в акватическом мотиве непостоянства. В стихотворении «Вчера расстались мы с тобой...» любовь предстает в качестве стабилизирующей жизненной силы, утрата которой влечет за собой беспомощность и растерянность лирического героя. Расставание с любимой ассоциируется у него с бушующей «морской бездной», а кипящие волны, что стремятся «вечный раздробить гранит», дополняют картину хаотичного мира, соположенного с душевным смятением лирического героя.

Во многих произведениях «Вечерних огней» мотив любви практически не представлен «счастливыми» модификациями в их обыденном понимании. Показательной в этом отношении является поэма «Студент», помещенная во второй выпуск «Вечерних огней». Перед нами история несчастной любви молодого человека и замужней женщины. Причем история эта завершается столь же стремительно, как и зародилась. Фет существенно переосмысляет типичный любовный конфликт, и в данном произведении никакого традиционного романтического надрыва и экзальтирования не происходит, но побеждает обыденность, и жизнь продолжается, будто бы ничего и не происходило.

Самоуничтожающая любовь-страсть – ведущий мотив в стихотворении «Когда читала ты мучительные строки...», причем здесь же обнаруживаются и приметы любви-эроса, выражающиеся в форме роковой страсти. Такая любовь несчастна, связана со страданием. Показательными являются природные образы, наполненные красотой, контрастирующие с разрушительной любовью: «Вдали перед тобой прозрачно и красиво / Вставала вдруг заря, / И в эту красоту невольно взор тянуло» (кн. 1, с. 224). Этот контраст связан с невозможностью страстной любви быть любовью истинной, любовью-агапэ. Любовь-эрос сама по себе разрушительна для личности, и контраст с природными явлениями, выражающими свою противоположность, лишь подчеркивает неизбежную разрушительность страстной любви на фоне безразличной к страданию лирического героя мировой Воли. Данный мотив также развивается в стихотворении «Моего тот безумства желал, кто смежал...». Природное начало ассоциируется здесь с образом розы, но этот образ дуалистичен по своей сути: с одной стороны, красота цветка, с другой – тяжесть его переплетающихся стеблей. Страсти дается негативная характеристика («злая старость»), а человеческая жизнь предстает лишь небольшой частью безразличного механизма мировой Воли.

Показательным является последнее стихотворение четвертого тома «Вечерних огней» – «Запретили тебе выходить...». Это произведение – своего

рода точка бифуркации любовной концепции русского поэта. Любовь здесь запретна, труднодостижима, но чрезвычайно желанна, она представляется неотъемлемой частью жизни лирического героя. Без нее невозможна поэзия, а значит, и прекрасное в своем высшем выражении без любви не является достижимым. Этот «запрет» – метафора эроса в шопенгауэровском понимании. Эрос есть опасность для личности, поэтому и является запретным. В то же самое время без любви не будет и красоты, не будет и агапэ как спасительного начала, представленного в данных строках в форме поэтизированного вечного явления: «Что с запретом всего несовместней, – Это песня: с крылатою песней / Будем вечно и явно любить» (кн. 2, 42).

Понимание любви в художественном мире Фета комплексно. Концептуально чувство не укладывается в двойственную модель шопенгауэровской онтологии. В «Вечерних огнях» на равных правах обнаруживаются и чистая вечная любовь, и любовь-безумие, и любовь-дружба, и запретная любовь. Иными словами, любовь в поэтическом мире русского поэта разнообразна, многозначна и является одним из фундаментальных оснований человеческого бытия. Любовная концепция в «Вечерних огнях» отчасти перекликается с понятием «гений рода» Шопенгауэра, но при этом отрицается сама основа эроса как опасной ловушки Воли.

Самым распространенным проявлением мотива одиночества в «Вечерних огнях» является одиночество поэта-творца. Данный подход характерен для романтической традиции, и сходство в большей степени можно определить как типологическое, ничего специфически «шопенгауэровского» здесь не обнаруживается. Однако на фоне общей концепции «Вечерних огней» возможно включение данного мотивного дискурса в более широкую группу мотивов, связанных с прекрасным как системообразующим явлением для онтологии сборника. Люди, окружающие поэта, получают характеристику разобщенной «толпы», описание которой имеет негативную коннотацию. В стихотворении «Ключ», например, происходит прямое противопоставление природного и социального миров: «Но в шумящей толпе ни единой / Не присмотрится к кущам дерёв» (кн. 1., с. 50). В стихотворении «Сонет» обнаруживается похожее противопоставление, но уже не в форме дихотомии «природа – общество», а в оппозиции «общество – поэт». «Толпа» ассоциируется у Фета с шумом, хмелем, развратом, раздражением – это абсолютно неупорядоченное пространство, хаос, не имеющий ничего общего с гармонией прекрасного и свободой истинного творчества, т. е. с «храмом», к которому стремится настоящий поэт. Мы можем увидеть, что толпе-обществу даются негативные характеристики – это не более чем рынок, торжище, где настоящее искусство невозможно, а красота не может существовать. Прекрасное в таком пространстве не выявляется и не проявляется.

Если Шопенгауэр ограничивал красоту, то в художественном мире Фета красота – не просто одно из множества теоретических положений, а явление гармоничное, позволяющее индивиду вести борьбу на равных со злой волей. В этой борьбе единственным союзником личности выступает прекрасное. Таким

образом, происходит преодоление пессимистической парадигмы, заложенной в основу волюнтаризма Шопенгауэра, в этом преодолении становится важна сама жизнь как таковая, со всеми ее кажущимися случайными событиями – все это представляется единым полотном человеческой экзистенции, выраженной языком поэзии.

В **Заключении** сформулированы основные выводы по результатам исследования. Восприятие философии А. Шопенгауэра в Европе и России шло одинаково сложным путем: от неприятия и отрицания пессимизма, к анализу волюнтаризма и выявлению экзистенциальной ценности учения о воле, что отражает общую тенденцию русской литературной культуры второй половины XIX века, в которой творчество А. А. Фета как одного из самых глубоких собеседников немецкого мыслителя становится важнейшим индикатором глубокой диалогической связи иррациональной философии и русской литературы. Обозначаются **перспективы настоящего диссертационного исследования** заключающиеся в возможности дальнейшего изучения влияния философии Шопенгауэра на русскую литературу второй половины XIX века; в анализе развития диалогических связей Шопенгауэр – русская литература начала XX века; в осуществлении комплексного монографического исследования, системно рассматривающего диалогическое поле немецкой неклассической философии и русской литературной культуры классического и постклассического периодов.

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК РФ и Аттестационным советом УрФУ:

1. Комков А. В. «Мир как воля» и «Мир как красота». Рецепция онтологических элементов философской картины мира А. Шопенгауэра в творчестве А. А. Фета // Филология: научные исследования. – 2018. – № 2. – С. 83-87; 0,6 п.л.

2. Комков А. В. Рецепция танатологии А. Шопенгауэра в творчестве А. А. Фета // Филология: научные исследования. – 2018. – № 3. – С. 298-305; 0,6 п.л.

3. Комков А. В. Рецепция философии Шопенгауэра в русском культурном сознании (по страницам литературных журналов XIX века) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2018. – № 3 (20). – С. 31-34; 0,4 п.л.

4. Комков А. В. А. А. Фет и А. Шопенгауэр: диалог о пессимизме, смерти и одиночестве в художественном мире сборников «Вечерние огни» // Слово. Текст. Контекст. – 2024. – 2 (18). – С. 63-72; 0,7 п.л.

5. Комков А. В. «Вечерние огни» А. А. Фета как диалог с А. Шопенгауэром о любви // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования науки и культуры. – 2025. – Т. 31, № 1. – С. 60-70; 0,7 п.л. – К2.

Научные статьи и материалы докладов конференций по теме исследования, опубликованные в других изданиях:

6. Комков А. В. Диалог о свободе личности: Ф. М. Достоевский и М. Штирнер (на материале повести «Записки из подполья») // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. – 2012. – № 6. – С. 106-112; 0,4 п.л.

7. Комков А. В. Мотив экзистенциального страха в творчестве В. М. Гаршина // Студенчество в научном поиске: Сборник материалов XVII студенческой научно-практической конференции; [редкол.: Е. И. Гололобов, С. С. Дрига, Е. А. Гаврисенко, О. П. Ушакова]. – Сургут: РИО СурГПУ, 2013. – С. 33-36; 0,4 п.л.

8. Комков А. В. Образ героя из подполья Ф. М. Достоевского в произведении О. Дадзая «Исповедь “неполноценного” человека» // Словесное творчество: знак – образ – смысл: сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием; [редкол. Е. И. Бреусова и др.; отв. ред. Н. В. Ганущак]. – Сургут; Тюмень: РИО СурГПУ, 2015. – С. 56-59; 0,2 п.л.

9. Комков А. В. Танатические философемы А. Шопенгауэра в стихотворении А. А. Фета «Смерти» // Материалы 54-й Международной научной студенческой конференции МНСК-2016: Литературоведение, Новосибирск, 16–20 апреля 2016 года. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2016. – С. 33-34; 0,1 п.л.

10. Комков А. В. Экзистенциальные мотивы в повести А. А. Фета «Дядюшка и двоюродный братец» // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2020. – № 2. – С. 77-84; 0,6 п.л.

11. Комков А. В. Усадебные философствования как сюжетная ситуация в рассказе А. А. Фета «Вне моды» // Современная регионалистика: традиционные подходы и новые направления: Сборник статей III Международной научной конференции, посвященной 75-летию доктора филологических наук, профессора Н. А. Дворяшиной, Сургут, 26–27 октября 2023 года. – Сургут: РИО СурГПУ, 2024. – С. 76-80; 0,2 п.л.